

Меня привел в себя шум борьбы. В первую минуту я никак не мог сообразить, где нахожусь, и откуда доносятся звуки. Прислушавшись, я понял, что битва за стеной, рядом с которой я лежал. Можно было различить шарканье ног, звериное рычание, звон оружия и тяжелое дыхание человека.

Встав на ноги, я быстро огляделся в комнате, в которой встретил такой теплый прием. Пленники и дикие животные были прикованы к противоположной стене, и их глаза, устремленные на меня, выражали любопытство, мрачную ярость, изумление и надежду.

Последнее, ясно отражалось на красивом лице красной таранки, которая спасла мне жизнь, своим предупреждающим криком. Она была типичной представительницей этой прекрасной высшей расы, которая по внешности очень близка к белой расе земных людей, за исключением того, что цвет кожи у них имеет медно-красный оттенок. На ней не было никаких украшений, и поэтому я не мог установить, каково было ее положение в жизни. В настоящее время, она была пленницей или рабыней.

Прошло несколько секунд, прежде чем я догадался о том, что означают звуки, доносившиеся из-за стены. Это, Тарс Таркас! Он, отчаянно борется с дикими животными или с дикими людьми.

Издав ободряющий крик, я всей тяжестью навалился на потайную дверь, но безрезультатно, как если бы пытался сдвинуть скалу. Я лихорадочно принялся искать механизм вертящейся панели, но все мои поиски были бесплодны. Я занес уже меч, намереваясь пробить золотую стену, как голос молодой пленницы остановил меня:

– Сбереги свой меч, славный воин, он еще пригодится тебе! Не разбивай его о крепкий металл, который без труда поддается легкому нажиму руки человека, знающего секрет двери.

– Знаешь ли ты этот секрет? – спросил я.

– Да! Освободи меня, и я пропущу тебя в комнату ужасов, если ты этого пожелаешь. Ключи от моих оков ты найдешь на первом враге, убитым тобой. Но зачем ты хочешь идти обратно? Ты снова очутишься лицом к лицу со свирепым бенсом, или с другим чудовищем, которого они выпустили в эту страшную ловушку.

– Мой друг сражается там один, – ответил я, лихорадочно ища ключи на теле мертвого сторожа этой мрачной ужасной комнаты.

На овальном кольце висело много ключей, но прекрасная тарианка быстро выбрала тот, который открыл большой замок у ее пояса и поспешила к секретной панели.

Она снова выбрала ключ на овальном кольце. На этот раз это была тонкая штучка, наподобие иглы, которую она всунула в почти незаметную скважину в стене. Дверь немедленно повернулась на оси, и смежная с ней часть пола, на которой я стоял, очутилась вместе со мной в комнате, где сражался Тарс Таркас.

Великий тарк прислонился спиной к одному из углов, а вокруг него полукругом стояли с полдюжины огромных чудовищ, ожидавших удобного случая к нападению. Их головы, залитые кровью, окровавленные плечи свидетельствовали о неосторожности и искусстве зеленого воина. Тело моего друга тоже носило красноречивые следы лютого нападения, которому он подвергался.

Острые когти, и жестокие клыки буквально разодрали в клочья его ногу, руку и грудь. Он так

ослабел от потери крови и ужасного напряжения, что, не прислонись к стене, вряд ли был бы в состоянии стоять. Но он продолжал смотреть на своих свирепых врагов с упорством и непреклонным мужеством людей своей расы. Он казался олицетворением старинной поговорки его племени, которая гласит: «Оставь тарку голову и одну руку, и он сумеет победить!»

Мой приход вызвал радостную улыбку на его лице, испещренном царапинами. Улыбка могла означать удовольствие, или просто ему стало смешно при виде моего окровавленного, всклокоченного вида.

Я приготовился вмешаться в борьбу и поднял меч, когда нежная рука опустилась на мое плечо. Обернувшись, я к своему удивлению увидел, что молодая девушка последовала за мной в комнату.

– Пстой, – прошептала она, – я справлюсь с ними сама, – и, оттолкнув меня, она приблизилась, беззащитная и невооруженная, к ворчащим бенсам.

Подойдя совсем близко, она произнесла тихим, но решительным тоном одно слово. С быстротой молнии обернулись к ней огромные животные, и я замер от ужаса, ожидая, что они разорвут ее в клочья. Но вместо этого, звери подползли к ее ногам, как щенята, ожидающие заслуженного наказания.

Она снова сказала им что-то, но так тихо, что я не мог ничего расслышать, затем направилась к противоположному углу комнаты с шестью огромными чудовищами, следовавшими за ней по пятам. Одного за другим она вывела их через секретную панель в смежную комнату и, когда последний исчез из комнаты, она обернулась к нам, улыбнулась, посмотрев на наши растерянные лица, вышла, оставив нас одних. С минуту мы молчали. Затем Тарс Таркас сказал:

– Я слышал шум борьбы за стеной, через которую ты прошел, но я не боялся за тебя, Алекс, пока не раздался выстрел. Я знал, что на всем Мусрабе нет человека, который бился бы с тобой холодным оружием и остался жив. Но этот выстрел совершенно лишил меня надежды: я ведь знал, что у тебя не было пистолета. Расскажи, что случилось?

Я исполнил его просьбу, и затем мы вместе принялись искать секретную панель, через которую я только что вошел. Она, я знал это, лежала против той двери, через которую девушка вывела своих диких спутников.

Но, к нашему разочарованию, панель не поддавалась никаким усилиям. Если бы мы очутились за ней, мы могли бы надеяться выбраться. Пленники были прикованы – это доказывало, что был какой-то выход, через который можно было спастись от страшных существ, населяющих этот ад.

Мы несколько раз переходили от одной золотой двери к другой – и все без успеха. Отчаяние охватило нас. Мы уже отказались от всякой надежды, когда вдруг одна из панелей бесшумно повернулась, и в комнате появилась та же молодая девушка, которая вывела бенсов.

– Кто вы, – спросила она, – дерзающие искать спасения из долины Дор и от смерти, которую вы выбрали?

– Я не выбирал смерти, – возразил я. – Я не с Мусраба, и я не предпринял добровольного паломничества к реке Исс. Мой друг, джеддак всех тарков, еще не выразил желания вернуться в живой мир, но я все же возьму его с собой. Я спасу его от той лжи, которая завлекла его в это страшное место!

Сам я – человек другого мира. Я – Алекс с Земли, член семьи Тардос Морса, джедака Гелиума. Быть может, случайно, какой-нибудь слух обо мне и достиг пределов вашего адского обиталища.

Она улыбнулась.

– Да, – ответила она, – все, что происходит в мире, покинутом нами, известно нам. Я слышала о тебе много лет тому назад. Жрецы часто удивлялись, куда ты мог убежать: тебя не могли найти на всем Мусрабе, а паломничество к реке Исс ты не предпринимал.

– А теперь скажи мне, – спросил я, – кто ты? Ты кажешься пленницей, однако твоя власть над дикими зверями этих мест вряд ли была бы дана рабыне.

– И все же я рабыня, – ответила она. – Уже целых пятнадцать лет я нахожусь в рабстве в этом ужасном месте, но теперь я им надоела. Они боятся меня, потому что я знаю их тайны. Недавно они приговорили меня к смерти.

Она содрогнулась.

– К какой смерти?

Она ответила:

– Святые жрецы употребляют мясо людей, умерших под высасывающими губами растительных чудовищ. Они едят мясо, из которого выкачана кровь. К такой смерти я и была приговорена. Это должно было случиться сегодня. Ваш приход помешал им.

– Значит, я прикончил двух святых жрецов? – спросил я весело.

– О, нет! Те, которых ты убил, были младшими жрецами, но они принадлежат к той же жестокой и злобной расе. Святые жрецы живут на внешних скатах этих мрачных гор, на скатах, обращенных к миру, поставляющему им жертвы.

Целый лабиринт коридоров соединяет эти пещеры с роскошными дворцами святых жрецов. Через эти коридоры проходят младшие жрецы, многочисленные рабы, пленники, дикие звери – все мрачные обитатели нашего бессолнечного мира.

В этой огромной сети извилистых переходов и бесчисленных комнат живут мужчины, женщины и звери, которые родились в этом мрачном подземном мире, никогда не видели дневного света – и никогда не увидят его.

Они служат для исполнения приказаний жрецов: доставляют им развлечение и пищу. Время от времени какому-нибудь злополучному пленнику удастся спастись от растительных людей и больших белых обезьян, которые оберегают храм Иссы, но спастись только для того, чтобы попасть в безжалостные когти жрецов. Иногда, как это было со мной, святой жрец, стоящий на страже на высоком уступе в том месте, где река вытекает из Золотых Скал, избирает себе жертву, которая ему чем-либо понравилась.

Все попавшие в долину Дор, отдаются растительным людям и большим белым обезьянам, только их руки и украшения по обычаю передаются жрецам. Но если кому-нибудь хоть на несколько часов удастся спастись от страшных обитателей долины, то он делается полной собственностью жрецов.

Говорят, что, иногда, какой-нибудь обманутой жертве мусрабских предрассудков удастся спастись от бесчисленных врагов, которые подстерегают ее на всем пути до того самого момента, как она выходит из подземного перехода, по которому на протяжении тысячи миль течет Исс. Иногда такой жертве удастся добраться до стен храма Иссы. Что случается с ней тогда – неизвестно. Даже святые жрецы не знают, какая судьба ожидает человека, проникшего в храм, потому что из тех, кто вошел в него, никто назад не вернулся.

Храм Иссы для жрецов то же самое, что долина Дор для остальных жителей Мусраба. Он представляется им убежищем высшего мира, покоя и счастья, куда они надеются перейти после жизни и где их ждет вечность среди тех плотских наслаждений, которые считаются высшим блаженством у этой умной, но развращенной расы.

– Значит, храм Иссы – это как бы рай в раю, – сказал я. – Будем надеяться, что святые жрецы будут там встречены так же приветливо, как они встречают здесь свои жертвы.

– Кто знает? – прошептала девушка.

– Судя по тому, что ты рассказала, эти жрецы – такие же смертные, как и мы. Однако, с каким благоговением говорят о них на Мусрабе! И чтут, как богов.

– Жрецы смертны, – ответила она. – Те из них, которые не доживают до назначенного им жизненного срока – тысячи лет – могут умереть от тех же причин, что ты или я. После они, в силу обычая, отправляются в свой последний путь через длинный туннель, который ведет к Иссе.

– Говорят, что те, которые умирают, не достигнув тысячи лет, воплощаются на время в образ растительных людей. В этом образе они доживают до своего конца. Вот почему растительные люди священны для жрецов. Они верят, что каждое из этих ужасных созданий было когда-то жрецом.

– А если растительный человек умирает? – спросил я.

Если он умирает до истечения тысячи лет, считая со дня рождения жреца, то душа его переходит в большую белую обезьяну. Но если эта обезьяна умрет до истечения срока, то душа гибнет навеки и переходит в тело одного из липких силианов (пресмыкающееся животное, род земного крокодила), которые тысячами извиваются в безмолвных водах озера Корус при свете луны, когда солнце заходит, и странные тени бродят по долине Дор.

– Мы сегодня отправили немало святых жрецов к силианам, – сказал, смеясь, Тарс Таркас.

– Потому-то вас и ожидает самая страшная смерть, – промолвила девушка, – и она наступит – вы не сможете спастись.

– Один человек спасся несколько сот лет назад, – напомнил я ей. – Что удалось раз, может, удастся и теперь.

– Не стоит даже, и пытаться, – ответила она безнадежно.

– А мы все-таки попытаемся! – вскричал я, – и ты пойдешь с нами, если этого захочешь.

– Чтобы меня убил мой собственный народ, и чтобы память обо мне была позором для моей семьи и для всего племени? Ты должен был бы подумать, прежде чем предлагать мне это!

Тарс Таркас слушал в глубоком молчании. Я чувствовал, что взгляд его устремлен на меня. Я знал, что он ожидал моего ответа с таким же напряжением, как подсудимый ожидает чтения своего приговора из уст судьи. То, что я посоветую девушке – будет нашим общим уделом. Если я склонюсь на сторону неумолимого векового суеверия – мы все должны будем примириться с нашей судьбой, остаться и без борьбы ожидать ужасной смерти.

– Мы имеем право спастись, если нам это удастся, – ответил я. – Наше нравственное чувство не будет оскорблено, потому что мы знаем, что сказочная жизнь в благословенной долине Дор – злостная выдумка. Мы знаем, что долина не священна, мы знаем, что святые жрецы не святые, что они жестокие и бессердечные смертные, знающие о вечной жизни не больше нас.

Приложить все усилия к спасению – не только наше право, но и наш священный долг, долг, перед которым мы не смеем отступить, даже если бы знали, что нас ожидают осуждение и пытки со стороны нашего народа, когда мы к нему вернемся.

Ведь только так мы сможем открыть истину людям внешнего мира! Я прекрасно сознаю, что наш рассказ, вряд ли вызовет доверие – люди так крепко держатся за свои глупые суеверия! – но мы были бы жалкими трусами, если бы отступили от долга, который лежит перед нами.

К тому же мы имеем шанс, что свидетельству нескольких лиц поверят скорее, может быть, даже согласятся отправить экспедицию для исследования этой страшной пародии рая.

Девушка и зеленый воин некоторое время стояли, молча, погруженные в глубокое раздумье. Девушка первой прервала молчание.

– Я никогда еще не рассматривала свое спасение с этой точки зрения, – промолвила она задумчиво. – Я готова отдать свою жизнь тысячу раз, если бы спасла этим, хоть одну душу от ужасной жизни, которую я здесь вела! Да, ты прав! Я пойду за тобой, хотя и сомневаюсь, что нам удастся спастись.

Я вопросительно взглянул на тарка.

– Куда бы Алекс ни повел меня – к врагам ли храма Иссы или на дно Коруса, к снегам севера или к снегам юга – Тарс Таркас последует за ним!

– Идемте же немедленно! – воскликнул я. – Мы должны, потому что не может быть спасения в сердце этой горы и в четырех стенах этой комнаты смерти.

– Идемте, – повторила девушка, – но не льсти себя надеждой: на территории жрецов нет места хуже, чем это!

С этими словами она повернула секретную панель, которая отделяла нас от того помещения, где я ее нашел и где находились другие пленные.

Их было десять, красных, мужчин и женщин. В кратких словах объяснили мы им наш план. Они решили идти за нами, хотя было видно, что трепещут при мысли так искушать судьбу и идти наперекор древнему суевию. Между тем все они на своем горьком опыте знали, как лгала им старая вера, как нагло обманывали их святые жрецы.

Тувия, девушка, которую я освободил первой, очень скоро освободила и других. Тарс Таркас и я сняли с тел убитых жрецов их оружие, которое состояло из мечей, кинжалов и двух пистолетов самой последней модели, который делают красные.

Мы распределили оружие среди наших спутников. Пистолеты мы дали двум женщинам, в том числе и Тувии.

Она была нашим проводником, мы быстро, но осторожно отправились вслед за ней по лабиринтам ходов. Мы проходили через большие комнаты, высеченные в массиве скалы, шли по извилистым коридорам, поднимались на крутые подъемы и прятались в темных нишах при звуке приближающихся шагов.

Тувия хотела провести нас в отдельную кладовую, где, по ее словам, было много оружия и боеприпасов. Оттуда она должна была вывести нас на вершину скалы, а там мы должны были применить всю нашу сообразительность, чтобы прорваться через твердыню святых жрецов к внешнему миру.

– И даже тогда, – воскликнула Тувия, – мы не будем в безопасности! Длинные руки святых жрецов! Они достигают любого места в Мусрабе. Их тайные храмы прячутся в сердце каждой общины. Куда бы мы не пришли, весть о нашем бегстве опередит нас, и смерть настигнет раньше, чем мы сможем разоблачить их.

Мы шли около часа, не встречая никаких препятствий. Тувия только шепнула, что мы близко от цели, как при входе в обширную комнату наткнулись на человека, очевидно, жреца.

Кроме обычного кожаного наряда и украшений, он носил вокруг лба массивный золотой обруч, в центре которого был вделан огромный камень. Точную копию этого камня я видел около двадцати лет тому назад на груди маленького старика, на атмосферной станции.

Это – бесценное сокровище Мусраба! Известны только два таких камня, и их носили два старика, накачивавших искусственный воздух во все части Тары.

Камень, который был на встретившемся нам старике, был приблизительно такой же величины, как тот, который я видел когда-то. Он имел около трех сантиметров в диаметре и излучал девять различных ясно видимых лучей: семь основных цветов нашей земной призмы и еще два луча, которые на Земле не известны и изумительная красота которых не поддается описанию.

Увидев нас, глаза жреца сузились и злобно сверкнули.

– Стойте, – вскричал он. – Что это значит, Тувия?

Вместо ответа девушка подняла свой пистолет и выстрелила в него в упор. Он без звука свалился мертвый.

– Гадина! – прошипела она. – Наконец-то я отомстила тебе за все эти годы!

Она повернулась ко мне, желая, что-то мне объяснить, но внезапно глаза ее расширились от удивления, и она с легким взгласом бросилась ко мне.

– О, воин! – вскричала она. – Судьба нам действительно благоприятствует! Нам предстоит трудный путь, но благодаря этой твари, которая лежит на полу, мы все же сможем пробиться к внешнему миру. Разве ты не видишь чудесного сходства между этим святым жрецом и тобой?

Действительно – он был моего роста, глаза и черты его лица очень напоминали мои, но на голове у него развевалась копна желтых волос, как и у тех двух, которых я убил раньше, а у меня были черные коротко остриженные.

- Что же из этого? - спросил я Тувию. - Неужели ты думаешь, что я смогу со своими короткими черными волосами выдавать себя за желтоволосого священника вашего адского культа?

Она улыбнулась и вместо ответа подошла к телу убитого ею человека. Встав на колени, она сняла золотой обруч, а вместе с ним, к моему удивлению, и весь скальп с головы мертвеца.

Она надела этот желтый парик на мои черные волосы и увенчала золотым обручем со сверкающим камнем.

- Надень его кожаный наряд, - сказала она, - и ты сможешь свободно пройти по владениям жрецов, потому что Сатор Трог, был святой жрец десятого цикла и имел великую власть.

Когда я наклонился над мертвым, чтобы снять его наряд, то заметил, что на его голове не росло ни единого волоса: она была гладкой, как яйцо!

- Они все такие от рождения, - объяснила Тувия, заметив мое недоумение. - Раса, от которой они произошли, обладала роскошными золотистыми волосами, но уже в продолжение многих веков они совсем безволосые. Парик стал принадлежностью их наряда, и такой важной, что считается величайшим позором, если жрец публично покажется без него.

Через минуту я стоял, одетый в полный наряд жреца. По совету Тувии, двое из сопровождавших нас пленников понесли тело жреца, и мы продолжали свою дальнюю дорогу к кладовой, которой достигли без дальнейших происшествий.

Ключи, снятые Тувией с первого убитого жреца, открыли нам доступ в кладовую, и мы быстро снабдили себя достаточным количеством оружия и боеприпасов. К этому времени я уже так утомился, что был не в состоянии двинуться дальше. Посоветовав Тарс Таркасу сделать то же самое, и, приказав двоим из освобожденных нести караульную службу, я повалился на пол.

Через минуту я уже крепко спал.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/502516>